

УДК 1 Ф

РОССИЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ**Баркова В.В.***Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск, e-mail: barkovavv@cspu.ru*

В статье рассматриваются ключевые моменты формирования ментальных структур российского самосознания, обозначены истоки российского духовного особенностия в мире и зарождение межконфессиональной толерантности, исторически создающей предпосылки. Для складывания российской нации.

Ключевые слова: духовность, самосознание себя самих, духовные скрепы, этнокультурные и общероссийские ценности, полилог

THE RUSSIAN CONSCIOUSNESS AND TENDENCIES OF ITS DEVELOPMENT**Barkova V.V.***The Chelyabinsk state pedagogical university, Chelyabinsk, e-mail: barkovavv@cspu.ru*

In article the key moments of formation of mental structures of the Russian consciousness are considered. Sources Russian spiritual especially standings in the world and origin between faith of the tolerance historically creating the preconditions are designated. For folding of the Russian nation.

Keywords: spirituality, consciousness of, spiritual fastenings, ethnocultural and all-Russian values, a polybroad gull

Мировое сообщество с тревогой всматривается в поистине тектонические сдвиги, которые происходят сегодня во всех важнейших сферах и механизмах организации индивидуальной и общественной жизни человека: экономике, политике, культуре, духовности, языке, стиле жизнедеятельности народов и целых наций. Глобализационные процессы, втягивая в зону своего влияния различные социумы, болезненно размывают и деформируют конструкты национальных самосознаний народов мира и их основу – национальную идентичность. Сия чаша не миновала и Россию. Жесткое «встраивание» отечественного производства в международную систему экономического развития и менеджмента привело к сокращению рабочих мест, росту безработицы, расслоению людей по качеству жизни и возможностям в ней. Молох глобализации привел к «выдавливанию» из глубин российского самосознания открытости, доброжелательности, терпеливости, самодостаточности. Девальвации подверглись и духовно-нравственные основы самостояния российских народов. «Пожухли» такие их знаковые проявления как мудрость, святость, гостеприимство, народность, трудолюбие, патриотизм, семейные ценности. Эрозия российского самосознания привела к «болезненной хромоте души», резкой смене приоритетов в политических, культурных, нравственных выборах, неуверенности в завтрашнем дне, в собственной самодостаточности и идентичности, дезориентации в социуме. Деформация российского самосознания стала опасна не только для самобытия человека, но и для государства. Его жизнеспособность, суверенитет

и безопасность напрямую зависят от качества самосознания его граждан. По словам В.М. Бехтерева никакие многочисленные армии не могут спасти того государства, в котором расшатаны нравственные устои, ибо и сила самих армий зиждется исключительно на национальных нравственных началах. Сумеет ли российское самосознание выстоять, сохранив свою идентичность под натиском глобализационных процессов, или будет размазано по гигантскому и полупустому пространству аморфным образованием, обреченным на схождение с исторической авансены. И не закончится ли это очередным развалом России, возможно, последним.

История отечественной мысли показывает, что со времен мировоззренческих дискуссий западников и славянофилов, вопрос о национальном самосознании и самодостаточности русских народов стал традиционно актуальным. Этой проблеме посвятили свои труды: Н.Д. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, Ф.М. Достоевский, Л. Гумелев, В.В. Зеньковский, В.И. Ильин, И.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, С. Франк, Е.Н. Трубецкой и другие авторы. Разнообразные подходы к решению проблемы фокусировались на одном – поиске ответов на вопросы: «Что есть Россия, и какова ее судьба?» В. Зеньковский отмечал, что с тех пор, как русская мысль обрела свою самость, больше всего она была занята темой о человеке, его судьбой, смыслами бытия, поиском скреп его национального самосознания. Н.А. Бердяев и П. Славнов, размышляя о путях национального развития России и ее народов, подчеркивали необходимость изжить в русском самосознании

его саморазорванность, несущую скорбь по потерянному прошлому, расколотому настоящему и неясному будущему, отыскать «свои» формы и способы пребывания национального в общечеловеческом.

Сегодня общественно-политическая и социально-культурная актуальность исследования духовных скреп и тенденций развития российского самосознания, необходимость поиска консолидирующих его идей и смыслов осознана всеми, кому не безразлична судьба Российской Федерации. Время действительно обозначило потребность в разработке адекватной современному состоянию российского социума методологии изучения данного вопроса во всех его вопрошаниях, механизмов саморазвития российского самосознания и методов их изучения. Конкретные аспекты обозначенной проблемы и поиск методологических ключей к их решению получили отражение в работах А.Р. Геворкяна, А.А. Кара-Мурзы, Н.И. Лапина, И.К. Лисева, В.М. Межуева, С.С. Неретиной, С.А. Никольского, И.Н. Сиземской. и т.д. В социально-философских исследованиях самосознание рассматривается как социокультурный феномен. Оно структурируется из духовных скреп, знаковость которых осознавалась из поколения в поколение народами, целыми нациями и закреплялась в сплаве традиций, обычаев, языке, нравственных выборах, образе жизни, этнопсихических особенностях характера народов. Являясь открытой, саморазвивающейся системой самосознание впитывает и перерабатывает в свою плоть, в конструкты «своего тела» новые идеалы и ценности, необходимость в которых предопределило и время, и логика развития конкретного социума.

Исследование генезиса развития российского самосознания, его духовных институтов, государственности показывает, что они формировались непосредственно под воздействием православного христианства и его ценностей. Со встречи с православной Византией для русских народов началось становление их этнической самодостаточности, самосознания, русской культуры, письменного русского языка, образа жизни, мировоззренческих ориентиров и политических действий. Под влиянием византийского мировоззрения и культуры были сформированы идентичность русских народов, их менталитет, духовные и нравственные ценности. К.Н. Леонтьев писал, что Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Признание того, что люди независимо от национальности, социального положения и прочих качеств равны, ибо все одинаково предостоят перед Богом,

сделало ценностные выборы византийского православия востребованными среди русских народов и способствовало укоренению духовных аксиом православия в их самосознании и межличностных отношениях. В те времена православие стало единственной мировой конфессией, изначально объявившей себя духовной заступницей земли русской, ее народов и государственности перед Богом. Стремясь наладить диалог между многочисленными этническими сообществами, их культурами, православие выдвинуло идею духовного объединения, по словам Н. Бердяева, «ушибленной ширью Руси», страны – континента, разбросанной на огромных просторах, и ее народонаселения, среди которого не было даже осознания общих интересов. Погружая самосознание народов в свое заветное прошлое, в свою вытесненную сердцевину – византизм, мировое православие на Руси трансформировалось в ее национально-идеологический символ. Д. Лихачев, Д. Лосев, Н. Михалков, В. Распутин, А. Солженицын и другие неоднократно подчеркивали, что забвение духовных скрижалей веры и отход, в частности, от аксиом православной нравственности в годы массового атеизма, ослабили силу самосознания русских народов, и сделали его беспомощным перед современными натисками глобализационных процессов.

С эпохи складывания Московского государства и, особенно, со времен Петра Великого, российское народонаселение стало осознавать тот исторический факт, что живет оно не только в полиэтническом, но и поликонфессиональном государстве. К временам формирования имперских традиций государственности на российских землях проживало около ста пятнадцати народов и этнических групп. Для некоторых из них духовными стержнями развития этнического самосознания стали ислам, ламаизм, иудаизм и т.д. В племенных объединениях народов Крайнего Севера и Дальнего Востока – сохранившиеся в народном сознании языческие духи местности, тайги, гор, тундры. Вместе с тем развитие межэтнических связей и коммуникаций, складывание общего культурного и экономического пространства способствовало тому, что самосознание народов, долгое время, остававшееся вне простора индивидуального развития, стало складываться и проявлять себя в двойной плоскости ценностей: этнокультурной и общероссийской. Народонаселение российского государства, включаясь в круговорот сложных ритмов общественного бытия: экономического, политического, социокультурного, расширяло и изменяло го-

ризонты своих этнических мировоззрений и самоосознания, что стимулировало процесс активного выделения индивидуумов из «тела» общинного целого и переход их из «сообщества в общество». Реагируя на нелинейность развертывания жизненных ситуаций, отыскивая ответы на вопросы: «Что делать?», «Как жить дальше?», народы вынуждены были переосмысливать этику – аксиологические стержни матриц родовой морали, обычаев, традиций. Выбирать те базовые компоненты для конструирования духовных скреп «своего иного» самоосознания, которые были бы способны адекватно отражать, воспринимать и коэволюционно реагировать на реально складывающийся свой и других людей образ и стиль жизни. При этом вектор самоидентичности из плоскости этнического самоосознания постоянно смещался в плоскость общероссийской идентичности, делая, тем самым, каждый народ автором своего и соавтором общего российского самосознания. С точки зрения Э. Эриксона через ощущение своей национальной индивидуальности и идентичности человек осознает принадлежность свою и своего этноса к исторической эпохе, ощущает значимость своего бытия в рамках данного социума и с точки зрения социума утверждает свою духовность и признает духовность других людей. Универсальной, архетипической формулой самосознания и самоидентификации любой общности выступает смыслообраз «Мы». Этот «маркетолог означивания» включает: языковые, территориальные, политические, культурные, экономические, антропологические и другие консолидирующие конструкты этого феномена. Означивание в нем получают и духовные скрепы самосознания субъектов социальной активности: чувство собственного достоинства, личной свободы, способность к самообязыванию, самоуправлению, доверие к другим, толерантность, осознание личной ответственности за собственные действия перед самим собой, семьей, обществом. Одним словом, самосознание любого сообщества во всех его идентификационных срезах и ипостасях, является единством индивидуальных и духовных сил, складывающих его народ. Оно плод их конкретной истории. Его смысловое ядро формируется на основе тех базовых ценностей, которые «сплавляют» воедино: общечеловеческое, традиционное и современное. Следует заметить что, со времен крещения Руси вплоть до Февральской революции 1917 г. в России не существовало юридически закрепленных понятий – «национальность», «нация». Здесь господствовало понятие – «народ», послед-

ний идентифицировал себя не по признаку «родства крови», а вероисповедальному: православный – значит, русский. Хотя человек мог быть немцем, осетином, калмыком, чукчей, самоедом, эвенком и т.д. Поэтому царская Россия, осуществляя процессы аккультурации среди своих народов, не видела целесообразности в их ассимиляции, так же как и создании на просторах России одной нации (на базе великорусского этноса и общей культуры) как политической, согражданской общности. Политика России по отношению к населявшим ее народам, носила характер отеческого патронажа, где «инородцам» отводилась роль домочадцев, а русским – «красный угол» как хозяевам дома. С другой стороны это порождало и обостренное чувство ответственности русских за судьбу всех единоверцев, готовности защищать их национальные интересы с не меньшей самоотверженностью, чем свои собственные, к культурному единению с ними во имя общих духовных идеалов. Но свой магистральный путь национально-гражданского объединения народов царская Россия так и не смогла начать, несмотря на отчаянные усилия со стороны народников, просветительской работой пробудить гражданское сознание масс. К началу первой мировой войны Россия оставалась не интегрированной ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. Ее многочисленные народы, включая и русских, в большинстве своем, продолжали «жить на особицу», поэтому о формировании гражданского общества, российского самосознания, наконец, российской нации, речи быть не могло. Однако, даже после Октябрьской революции, народы бывшей Российской империи, проходя через невероятные тернии и преграды, желали жить одной судьбой на основе общих смыслов политического, экономического и культурного развития. Осознавая свою значимость для истории России, они принимали активное участие в строительстве новой российской общности, и никогда не уходили от ответственности за состояние ее развития и ее защиты. Процессы, связанные с поиском путей национальной и этнической консолидации народов, сейчас проживающих на постсоветском пространстве в Российской Федерации, продолжают, и по сей день. «Российская нация» пока так и не сложилась. Большинство наших соотечественников, как и во времена царской России, и СССР, продолжают идентифицировать себя в качестве «татар», «ненцев», «чеченцев», и лишь потом как «россиян». Поэтому проблемы формирования «русской нации», «русского самосознания» являются ключевыми, наиважнейшими во-

просами внутренней политики нашей Федерации.

Как интегрировать полиэтничное, многоконфессиональное, мультикультурное население Российской Федерации в социокультурную целостность – «нацию», не ущемляя суверенного права народов на развитие их национальных языков и культуры. Целостность, которая бы отражала этнокультурный статус, мировоззренческие позиции, культурные выборы каждого народа, где «Мы» стало бы центром ответственности за эти выборы, а неотъемлемые естественные и социальные права каждого человека приобрели бы надэтническую значимость. Мировой опыт формирования и развития наций, национальных самосознаний, как исторических явлений и процессов, показывает, что эти феномены складываются не в одночасье, и не по указке власти – сверху, а многотрудными усилиями сограждан конкретного сообщества. В СССР, как до этого и в Российской империи, гражданское сообщество не смогло сложиться, поскольку и здесь не были реализованы возможности по преобразованию российских народов в «национальное государство», население в котором было бы политически, экономически и социокультурно интегрировано в «российскую нацию». Хотя политический курс на создание такой общности, был обозначен «сверху» и изначально четко просматривался, и пропагандировался марксистско-ленинской философией, научным коммунизмом, научным атеизмом, публичными выступлениями лидеров КПСС, песнях, стихах, художественной литературе, кино и всем образом народной жизни. Вероятно, такая целостность начнет обретать плоть и конструкты для своей самоорганизации, когда в Российской Федерации реально укоренятся политическая демократия и правовая юридическая культура как инструменты формирования гражданского общества. Определяющей чертой гражданского типа конфигурации социума является его особый стиль взаимоотношений с властью, при котором общество становится субъектом политического и экономического процессов, а власть и государство – инструментами для реализации общественного и индивидуального интересов. Гражданское общество Российской Федерации, как и российское самосознание, смогут «встать на ноги» только в процессе осознанной, позитивной, социальной активности всех слоев народонаселения Федерации, понимания ими своей ответственности за страну, в которой живут, и которую называют Родиной, за качество своего служения ей. Лишь в этом случае российское

самосознание «сбросит» с себя отжившие смысловые сгустки архаичных, патерналистских моделей социальной конфигурации, обретая реальный вектор на формирование национальной матрицы российского самосознания, на основе вызревших в недрах его внутренних, аутентичных, консолидирующих скреп и духовных выборов, мотивированных новыми условиями политического, экономического и социокультурного бытия Российской Федерации. Сегодня нужны ясные смыслы в государственных идеях национального строительства, реализация которых обеспечила бы эффективное развитие всех субъектов Российской Федерации в условиях глобализации и модернизации общественных сфер российской жизни. Российское сообщество, определяя и озвучивая смыслы и базовые ценности такого строительства, обязано четко представлять цели и пути существования нашей страны, видеть новые общественные механизмы для социального контроля, интеграции и управления процессами развития в рамках демократических представительных институтов. Естественно, что это не быстрый, а многотрудный путь. Ведь человека «не пришилишь» к нации, культуре, поскольку это означало бы подмену самоидентификации, сверху навязанной идентичностью. Более того, никакие представительные институты не будут работать в формирующейся системе, где не завершен процесс индивидуализации личности. Без этой важной «культурной» трансформации, никакие экономические и политические изменения не способны ввести общество в мир национального строительства. Рассматривая тенденции трансформации российского самосознания в национальное, необходимо учитывать социокультурные возможности движения Российской Федерации по этому пути, поскольку игнорирование последних, способно свести «на нет» ценность социальных реформ, программ и намерений. Отечественная реальность, во всех ее многовекторных проявлениях весьма противоречива, неоднозначна в различных регионах страны и субъектах Федерации, особенно в демографическом, геополитическом, экономическом, этноконфессиональном аспектах. Многие «узлы» проблем вызрели в силу непростой истории освоения и заселения ойкумены российского пространства, другие – вследствие неподтвержденной, порой волонтаристской хозяйственной и спонтанной социокультурной деятельности властей, как прошлых эпох, так, нередко, и нынешнего времени. И хотя сегодня экономический фундамент российского общества функционирует, как

четко выстроенная система взаимозависимостей, регулируемых рыночными и распределительными механизмами, гармонично вписывается в экономические модели международных практик, такие управленческие несуразности тормозят развитие гражданского самосознания, определяют малочисленность и малую перспективность среднего класса как социальной основы становления гражданского общества. Ведь иначе, как безответственными, нельзя назвать некоторые действия представителей бизнеса, бюрократизм и коррумпированность властей, сепаратистские вызовы, отсутствие нормальных условий для труда и жизни людей в моногородах и сельских поселениях. Все это провоцирует низкую творческую активность сограждан, желание бросить все, уехать, просто выживать, не думать о будущем, как своем, так и государства. Пришло время менять структурные компоненты и конфигурацию российского социума. Векторы контроля, надзора и управления должны быть направлены не только сверху вниз, но и снизу вверх, как и векторы отчетности. Разделение властей

на законодательную и исполнительную, уже отражает начало этих изменений в рамках именно гражданской модернизации социума. Следовательно, есть три социальных компонента, развитие которых способно стимулировать трансформацию российского общества в нацию и движение российского самосознания к уровню национального явления. Это индивидуализированный тип личности, принципиально новый тип социальной интеграции, контроля и управления, и новый тип экономики.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001. – С. 66.
2. Белл Д. Мировой порядок в XXI веке // Свободная мысль. – 2007. – №11. – С. 84.
3. Гордон А.В. Культура многообразия – явление современного цивилизационного процесса // Межкультурный диалог в историческом контексте: материалы научной конференции. – М., 2003. – С. 205.
4. Кознова, И.Е. Проблемы российского самосознания // Вопросы философии. – 2007. – №6. – С. 151–158.
5. Россиус, Ю.Г., Шмелева, Н.Д. Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки // Философские науки. – 2009. – №4. – С. 146–158.
6. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 2006.